
Вопросы теории и истории государства и права

Научная специальность

12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»

УДК 340:2(57.2)

ПРАВОВЫЕ И АНТРОПО-ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© **Арзуманов И. А., 2020**

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

*Правовая и политическая жизнь должна быть верна своим
глубоким корням, а эти корни имеют духовную природу.*

И. А. Ильин. О сущности правосознания

Рассматривается специфика осуществления идеологической функции государства в сфере этноконфессиональных общественных отношений. С позиций антропо-юридического подхода и историко-правовой ретроспекции проводится анализ религиозно-миссиологического фактора угроз национальной безопасности. Делаются выводы о том, что при существующей модели государственно-конфессиональных отношений практика миссионерской деятельности религиозно-конфессиональных институтов может повлечь за собой ряд негативных последствий, опосредованных механизмом перехода доктринального религиозно-конфессионального сознания на праксиологический уровень миссии религиозных институтов как деятельности, связанной с пропагандой конфессионального учения. Утверждается, что индивидуальная, внегрупповая деятельность каждого человека, связанная с пропагандой (свидетельством) своей веры, если она проходит без нарушения законодательства, остается вне формального контроля. Сделан вывод о том, что для миссионерства в позитивно-правовом ключе необходимо формально закрепленное разрешение на миссионерскую деятельность граждан от той организационно-правовой формы их вероисповедания, которую они представляют. Определено, что государство может контролировать только внешние проявления миссионерской деятельности и они, в рамках осознания со стороны адептов конфессиональных страт реальности процессов государственного контроля, могут носить вполне respectable формы – межрелигиозного диалога, миссии примирения, экуменизма и пр. Отмечено, что данные формы как следствие «принуждения» со стороны государства к межконфессиональному миру, по сути, ничего не меняют в доктринальном императиве пропаганды истинности того или иного религиозно-конфессионального учения о Боге и вопрос о том, насколько радикально может быть оценено со стороны государственных органов индивидуальное свидетельство-исповедание доктринальных основ религиозного учения его адептом, остается открытым. Сделан вывод о том, что усиление процессов атомизации социокультурного пространства страны по религиозному признаку, латентное обострение межконфессиональных противоречий как ключевые факторы угроз национальной безопасности Российской Федерации в идеологической сфере общественных отношений требуют пересмотра модели государственно-конфессиональных отношений со светской на иную, способную более адекватно отражать роль религиозных институтов в социально-политической жизни российского общества.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, государство, идея, идеология, государственная идея, национальная идея, идеологическая функция, этноконфессиональные отношения.

Актуальность антропо-юридического анализа специфики осуществления идеологической функции государства в сфере этноконфессиональных обществен-

ных отношений обусловлена необходимостью выработки российским обществом идеологем, разделяемых большинством населения. В связи с этим актуализируются и вопросы осу-

ществления государством как политической организации и центрального элемента политической системы общества консолидационной функции, являющейся основным производным идеологической деятельности государства. Идеологическая деятельность является атрибутивным свойством государства, поскольку всякое государство требует идеологического обоснования своей деятельности по разрешению стоящих перед обществом задач [9, с. 377–378]. Если рассматривать идеологию как систему базовых ценностей, выражающую общенациональные интересы [3], то в основе данной деятельности должна лежать выработка общенациональной политико-правовой доктрины, механизмов управления как проекций обеспечения социокультурной стабильности, упорядоченности общественных отношений – ключевых элементов механизма обеспечения системы национальной безопасности. Под национальной безопасностью, согласно Стратегии национальной безопасности до 2020 г., принятой в 2009 г. (далее – Стратегия), понимается защищенность «личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которая позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства»¹. Данный ракурс рассмотрения функционала управленческой деятельности государства в сфере превенции связан с понятием «угроза национальной безопасности», под которой понимается возможность нанесения прямого или косвенного ущерба отмечаемым в положениях Стратегии факторам (п. 1.1) Однако данные посылы входят в противоречие с продолжающимися с начала 90-х гг. XX в. процессами деидеологизации, в том числе и профессионального правосознания юридического сообщества. Эти процессы базируются на интерпретации ст. 13 Конституции РФ 1993 г. Изначально вопрос ставился однозначно: государственной идеологии как наследия коммунистического периода отечественной истории быть не должно [7, с. 33; 13]. Начавшиеся либеральные реформы, ознаменованные принятием Конституции, проходили на фоне системной трансформации функций государства в сферах социально-политической и социально-экономической жизни общества [12]. Объективные параметры стратификации социума по различным осно-

ваниям – политико-экономическому, религиозному, индивидуально-личностному – были положены в обоснование необходимости идеологического и производного от него политического плюрализма. В рамках концепции демократического государства идеологическое многообразие само приобрело характер базового идеологического начала, выступающего основанием политического и идеологического плюрализма, рассматриваемого рядом авторов в контексте понимания того, что сама Конституция РФ представляет собой доктринальное воплощение государственной идеологии, выражающейся в концепциях правового государства, социальной справедливости, благополучия и безопасности общества [11, с. 43]. В этом ракурсе аксиологическое ядро идеологии приобретает нормативный характер, материализуясь в конституционных и иных законодательных положениях [5, с. 6]. На протяжении всей истории российской государственности, при всех модификациях политико-правовых режимов внимание со стороны государства к функционированию и миссионерской деятельности религиозно-конфессиональных институтов как базовых элементов идеологической сферы общественных отношений было велико. Об этом свидетельствует не только историко-правовой обзор массива нормативного материала, призванного регулировать государственно-конфессиональные и межконфессиональные отношения в период XVII–XX вв., но и активизация процессов формирования нормативных основ государственно-правового регулирования миссионерской деятельности религиозных институтов конца XX–XXI вв.

Понятие миссионерской деятельности религиозных объединений в позитивно-правовой проекции обрело дефинитивные очертания в результате новелл в российском законодательстве последнего десятилетия. В частности, развернутое определение дается в п. 1 ст. 24.1 гл. 3 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125 «О свободе совести и о религиозных объединениях» (в результате изменений, внесенных Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму». Целевыми установками данной деятельности законодателем определено вовлечение данных лиц в состав участников (членов, последователей) религиозного объединения, осуществляемое уполномоченными ими гражданами и (или)

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. П. / 6. <https://rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html> (дата обращения: 01.02.2020).

юридическими лицами публично, при помощи средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» либо другими законными способами (п. 1 ст. 24.1 гл. 3). Суть данной дефинитивной новации сводится к фиксации внешнего вектора деятельности религиозных объединений по поводу публичного распространения информации, связанной с вероучением среди лиц, не принадлежащих к нему¹. Таким образом, формально закрепленная дефиниция миссионерской деятельности отражает внешнюю сторону таковой, делая акцент на ее когнитивной составляющей. И это не удивительно, поскольку позитивное право регулирует внешние проявления – поведение человека. Сам концепт религиозной миссии многими исследователями рассматривается преимущественно в ключе миссионерской деятельности Русской православной церкви, поскольку процессы возрождения ее структур с 90-х гг. XX в. являются в историко- и политико-правовой ретроспекции наиболее показательными. Согласно Концепции миссионерской деятельности Русской православной церкви (2007 г.), миссия рассматривается в широком и узком смыслах. Широкий связан с метафизическими интенциями жизненного смыслаполагания адептов православия и осуществлением теосиса (обожения) всего тварного мира по изначальному замыслу Бога (при наличии образа процесс уподобления Личности Бога). В узком смысле (его можно определить, как деятельностьный подход) миссия рассматривается как деятельность, связанная с распространением православной веры, воцерковлением, передачей «опыта богообщения»². Нормативным источником данных положений являются тексты Священного Писания Нового Завета [4, с. 1161, 1054]. Необходимо отметить тотальность доктринальных оснований, лежащих в понимании миссии православной церкви, направленной на освящение не только каждого

¹ Согласно данному положению «миссионерской деятельностью в Российской Федерации признается деятельность религиозного объединения, направленная на распространение информации о своем вероучении среди лиц, не являющихся участниками (членами, последователями) данного религиозного объединения, в целях вовлечения указанных лиц в состав участников (членов, последователей) религиозного объединения, осуществляемая непосредственно религиозными объединениями либо уполномоченными ими гражданами и (или) юридическими лицами публично, при помощи средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» либо другими законными способами». Гл. 3 п. 1 ст. 24.1 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

² Концепция миссионерской деятельности Русской православной церкви. <http://www.patriarchia.ru/db/text/220922.html> (дата обращения: 02.02.2020).

человека, но и всего «тварного мира, всех сфер жизни»³. Доктринальный императив миссионерской деятельности для каждого из членов церкви базируется в том числе и на положениях Евангелия от Матфея, обязывающих вести проповедь доктринального уровня религиозного сознания, «научая все народы» [4, с. 1053]. Необходимо отметить, что императивный характер миссионерской деятельности определен доктринальным уровнем религиозного сознания практически каждой из трех мировых религий. Доктринальный корпус данного уровня религиозного сознания каждой из них имеет подчас диаметрально противоположные основания и в свете содержания дефиниции «миссионерская деятельность» представляется как угроза важнейшему элементу национальной безопасности – социокультурному единству. Наличие этого противоречия, потенциально дезинтегрирующего социально-политическое пространство, является базовым детерминантом, определившим характер государственно-правового регулирования в контексте национальной безопасности в идеологической сфере общественных отношений. Рассмотрим данные посылы.

История взаимоотношения религиозных институтов с государством в России имеет достаточно широкий спектр политико-режимных моделей: от ее «симфонической» ипостаси до реформ Петра I (X–XVII вв.), от статуса конфессиональных институтов в качестве элемента механизма государственной власти в Российской империи XVIII–XIX вв. до режима воинствующего атеизма советского периода начала и конца XX в., от «перестроечных» либеральных концепций тотальной аннигиляции контрольных функций государства в данной сфере конца XX в. до попыток перестроить модель государственно-конфессиональных отношений и формирования корпуса религиозного законодательства с начала XXI в. Особый интерес представляют процессы трансформации моделей государственно-конфессиональных отношений в контексте вызовов национальной безопасности и миссионерской интенции религиозно-конфессиональных институтов в условиях политико-правового строя России с

³ Концепция миссионерской деятельности Русской православной церкви. <http://www.patriarchia.ru/db/text/220922.html> (дата обращения: 02.02.2020) Данные положения основываются в Концепции на послании Апостола Павла к римлянам, гл. 8, 21–23: «Сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доньше; и не только [она], но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего». Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. Издание Московской патриархии. 1990. С. 1053.

его имперскими характеристиками. И на современном этапе формирования вероисповедной политики как одной из форм идеологической деятельности государства приходит четкое осознание того, что ослабление контрольных функций со стороны государства в идеологической сфере общественных отношений, и в частности миссионерской деятельности религиозно-конфессиональных институтов, грозит социально-политической дестабилизацией. Как следствие, актуализируется вопрос о контроле за миссионерской деятельностью в тех сферах, которые выходят за рамки уставной деятельности религиозно-конфессиональных институтов и их объединений. Но более всего приобретает остроту вопрос о необходимости концептуального осмысления политики государства в сфере национальных и религиозных отношений в условиях социально-политической трансформации общества и государственных институтов. Данный посыл базируется на понимании того, что ослабление государственного контроля в области идеологической деятельности структур религиозно-конфессиональных институтов (и миссионерства как ее формы) чревато для общества не только ростом внутреннего напряжения в межконфессиональных отношениях, но и последствиями геополитического характера. Взаимосвязь миссионерской деятельности религиозных институтов с последним положением весьма показательна. Попытку решения данной проблемы можно эскизно проследить по динамике формирования корпуса норм, регулирующих процессы, связанные с миссионерской деятельностью религиозных институтов, и прежде всего православия, начиная с XVIII в. В период до XVII в. господствовала естественная идеологическая монополия Русской православной церкви, сформировавшая видение социально-политического устройства общества с позиций неприятия институализации форм религиозности как инославия (протестантские деноминации и католицизм), так и иноверия (ислам, буддизм). Прежде всего, потому, что сложившийся к XVII в. антропо-культурный тип русского народа, духовно-нравственные идеалы включали в себя представления о русском государстве как хранителе православия, призванного быть «внешней оградой церкви» в социально-политическом бытии общества.

Объективные процессы территориальной и экономической экспансии всего имперского периода российской истории, обусловленные интересами безопасности страны, по мере расширения политико-географических пределов государства потребовали правового регулиро-

вания процессов миссионерской деятельности в связи с включением инословных и иноверных этноконфессиональных субстратов. Механизм данных процессов объективно базировался на закреплении принципов веротерпимости, понимаемой в самом широком смысле как свобода исповедовать вероучение. Пределы данной свободы ограничивались необходимостью для институтов определенного исповедания не наносить вреда общественной нравственности и правопорядку. Так, со времени вступления в силу Устава духовных консисторий Петра I и его же Манифеста о вызове иностранцев в Россию (с обещанием им свободы вероисповедания в 1702 г.)¹ данные факторы становятся базовыми при формировании нормативного базиса, регулирующего условия бытования тех или иных конфессиональных субстратов социума в империи. Свобода вероисповедания должна рассматриваться как гарантия одной из базовых потребностей человека в духовной сфере – его самоидентификации и бытия в рамках определенных, религиозно-детерминированных мировоззренческих координат мироощущения и миропонимания. Сопряженная с объективными функционально-интеграционными интенциями государства как политической организации, данная свобода в сфере миссионерской деятельности определялась и как форма организационно-управленческих механизмов осуществления консолидационной функции государства в условиях имперских характеристик социокультурного пространства. К таким базовым характеристикам относится, прежде всего, этноконфессиональная полифоничность социокультурного пространства, определяющая степень императивности государственного регулирования миссионерской деятельности конфессиональных институтов. Достаточно показательны в этом смысле модуляции интеграционной функции религиозных институтов. При всей разновекторности доктринальных интенций религиозного сознания в религиозно-конфессиональных стратах христианства, ислама, буддизма интеграционная функция в рамках всего социума обеспечивалась государством за счет реализации принципа политической лояльности истеблишмента и фиксации пределов миссионерской активности. В частности, католическое и протестантское духовенство в империи не могло именоваться миссионерами, так как

¹ Полное собрание Законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Т. 4. № 1910. СПб., 1832. Это же положение было записано в п. 10 Регламента Коммерц-коллегии 1719 г.: «чтоб каждой иноземец, купец и корабельщик с своими людьми свободное отправление веры своей имел, и вольность бы имели...». ПСЗРИ. Т. 5. № 3318. СПб., 1832.

им не разрешалось заниматься прозелитизмом: в целях достижения социокультурной стабильности имперская администрация императивно запрещала нарушать социальный мир инославным конфессиональным институтам и в этих же целях корректировала доминантное положение и методы миссии православной Церкви. Например, в положениях Именного указа Екатерины II от 20 августа 1769 г. отмечалась недопустимость проповеди среди иноверцев без знания их языка (проблема с незнанием языка автохтонных этносов являлась одной из самых острых в Восточной Сибири в течение XVII – начала XX в.)¹. Более того, указом Святейшего синода от 17 июня 1773 г. правящим архиереям воспрещалось вмешиваться «в дела, касающиеся до всех иноверных исповеданий», в целях сохранения межконфессионального мира². Таким образом, определяя в самом широком смысле принципы свободы вероисповедания при условии полной политической лояльности, в имперский период законодатель определял и меру данной свободы. Прежде всего посредством ограничения свободы пропаганды учения для институтов инославных исповеданий (католицизма и протестантизма), с одной стороны, и частичной корректировки пределов свободы миссионерской деятельности для структур православной церкви, с другой. Таким образом, позитивно-правовое регулирование миссионерской деятельности, начавшееся в период формирования социально-политических структур Российской империи, было детерминировано экономическими интересами и геополитической экспансией России. Объективная целевая установка внутренней политики – сохранение единства и стабильности (важнейших факторов национальной безопасности) – привела к необходимости упорядочивания взаимоотношений конфессиональных страт и государства в условиях стремительного расширения территориального и этнокультурного пространства. Прежде всего, это проявилось в позитивно-правовой охране социального мира за счет ограничений степени миссионерского фундаментализма институтов мировых религий. Одним из ключевых моментов государственного регулирования данной сферы были процессы институализации религиозно-конфессиональных течений и централизации управления ими. Централизация в целях повышения эффективности и контроля

стала предметом внимания и в советский период функционирования религиозных институтов. «Сталинская модель» вероисповедной политики хотя и являлась модификацией политики «воинствующего атеизма», тем не менее, ко времени начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (далее – ВОВ) претерпела некоторые трансформации. Они были связаны с задачами интеграции за счет обращения к культурно-цивилизационным аспектам правосознания населения, сложившимся для большинства граждан страны под влиянием аксиологического ядра православия в первую очередь. Это привело к восстановлению не только структур Русской православной церкви, например, на территориях, присоединенных к СССР в 1939 г., но и возрождению миссионерской деятельности на территориях Западной Украины и Белоруссии в годы ВОВ [10, с. 328]. Необходимо отметить и еще один аспект, непосредственно связанный с вопросами идеологического фактора национальной безопасности, имеющий своим прецедентом события времен ВОВ. Как отмечают исследователи, принцип вероисповедной политики Третьего рейха на оккупированных советских территориях основывался на «атомизации» конфессиональных структур и покровительстве сектам и альтернативным традиционным конфессиям течением [6, с. 15–16]. В начальный период перестройки конца XX в., в процессах распада фактически восстановленной в границах СССР империи, российское общество также переживало период религиозно-конфессиональной экспансии зарубежных миссий преимущественно неопротестантского и неоязыческого направлений [1, с. 78; 2, с. 89]. Характерно, что данные процессы уже к началу XXI в. квалифицировались в Концепции национальной безопасности (принятой на основании Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. за № 24) как фактор непосредственной угрозы интересам Российской Федерации в пограничной сфере. Данные положения имели свою силу вплоть до принятия Стратегии 2020 г.

Подводя итоги анализа, необходимо отметить, что на современном этапе акцент ставится не только на угрозе в религиозной экспансии, но и на возможных проявлениях религиозного экстремизма и радикализма, что не изменяет сути оценки миссии конфессиональных институтов как фактора, объективно дезинтегрирующего российское общество. Согласно положениям Стратегии (2015 г.) данные возможности расцениваются в качестве непосредственной угрозы Российской Федерации, и среди них – пропаганда образа жизни, в основе которого,

¹ ПСЗРИ. Т. XVIII. СПб., 1832. № 13336.

² «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам». Указ Святейшего Синода июня 17 дня 1773 г. ПСЗРИ Т. XIX. СПб., 1832. № 13996.

в частности, лежит религиозная нетерпимость¹ и связанные с ней возможности нарушения единства и территориальной целостности страны, дестабилизация внутривнутриполитической, социальной ситуации², носящие глобальный характер³. Факт того, что миссионерская деятельность в ее метафизическом ракурсе остается за рамками позитивно-правового контроля, ставит вопрос по поводу интерпретации положений ст. 28 Конституции РФ, гарантирующей право каждого на свободу совести, вероисповедания. В доктринальном толковании данной статьи, в частности, делается акцент на том, что, несмотря на колоссальную роль указанных прав при формировании мировоззренческого статуса личности, государство имеет дело преимущественно с массовыми коллективными формами исповедания религиозных учений и в этом ключе заинтересовано в их формально закреплённом статусе юридических лиц, фактически ограничивая права на ряд закреплённых форм миссионерской деятельности со стороны религиозных групп и их членов [8]. Таким образом, с одной стороны, объективные закономерности развития любого социума требуют выработки оснований и обеспечения его социокультурного единства как фактора его безопасности, а с другой, порождаемые конституционно закреплённым принципом деидеологизации процессы атомизации идеологического пространства в этноконфессиональной сфере общественных отношений входят с данными объективными закономерностями в логическое неснимаемое противоречие. ❏

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзуманов И. А. Проблемы государственного регулирования этноконфессиональных отношений: общетеоретический анализ : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. 235 с.
2. Арзуманов И. А. Трансформация конфессионального пространства Байкальской Сибири (XX–XXI вв.): комплексно-методологические аспекты исследования : монография. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2006. 245 с.
3. Бернацкий Г. Г. Государственная идеология как оплот силы и эффективности правоохранительных органов государства // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 28 апр. 2016 г. СПб. : Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та МВД России, 2016. Т. 1. С. 89–95.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М. : Издание Московской Патриархии, 1990. 1372 с.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683 // Собр. законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212, п. 6.

² Там же. П. 37.

³ Там же. П. 40.

5. Буховец А. Н. Идеологическая функция государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 20 с.

6. Власть и Церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958: Дискуссионные аспекты / ред. Г. П. Мурашко, М. И. Одинцов. М. : Институт славяноведения РАН, 2003. 380 с.

7. Гончаров В. В. Роль государственной идеологии в централизации власти в России: исторический опыт и современное состояние // История государства и права. 2010. № 4. С. 31–36.

8. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. М. : Эксмо, 2009. 1056 с.

9. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М. : Норма, 2008. 544 с.

10. Логинов А. В. Власть и вера: государство и религиозные институты в истории и современности. М. : Большая российская энциклопедия, 2005. 495 с.

11. Пожарский Д. В., Королев Р. В. Охранительная и идеологическая функции российского государства в условиях модернизации // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 4 (58). С. 41–43.

12. Фукс А. Н. Значение школьных учебников отечественной истории для идеологического обеспечения национальной безопасности // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2015. № 1. С. 21–22.

13. Якунин В. И. Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход // Власть. 2007. № 3. С. 3–12. URL: <https://jour.isras.ru/index.php/vlast>.

REFERENCES

1. Arzumanov I.A. *Problemy gosudarstvennogo regulirovaniya etnokonfessional'nykh otnosheniy: obshcheteoreticheskiy analiz* [Problems of state regulation of ethno-confessional relations: a general theoretical analysis]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2019, 235 p.
2. Arzumanov I.A. *Transformatsiya konfessionalnogo prostranstva Baykalskoy Sibiri (XX–XXI vv.): kompleksno-metodologicheskiye aspekty issledovaniya* [Transformation of the confessional space of Baikal Siberia (XX–XXI centuries): complex methodological aspects of research]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2006, 245 p.
3. Bernatskiy G.G. Gosudarstvennaya ideologiya kak opлот sily i effektivnosti pravookhranitel'nykh organov gosudarstva [State ideology as a bastion of power and effectiveness of state law enforcement agencies]. *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (navstrechu 33-letiyu rossiyskoy politzii)* [State and law: evolution, current status, development prospects (towards the 300th anniversary of the Russian police): Proceedings of the Intern. Sci.-Practical conf. St. Petersburg, April 28, 2016], vol. 1, pp. 89–95. (in Russian)
4. *Bibliya. Knigi svyashchennogo pisaniya Vekhogo i Novogo zaveta* [Bible. Scripture Books of the Old and New Testaments]. Moscow, Moscow Patriarkhiya Publ., 1990, 1372 p.
5. Bukhovets A.N. *Ideologicheskaya funktsiya gosudarstva* [The ideological function of the state. Cand. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2002, 20 p.
6. Murashko M.I. *Vlast i Tserkov v SSSR i stranakh Vostochnoy Yevropy. 1939–1958: Diskussionnyye aspekty* [Power and the Church in the USSR and countries of Eastern Europe. 1939–1958: Discussion Aspects]. Moscow, Institute of Slavic Studies Publ., 2003, 380 p.
7. Goncharov V.V. Rol gosudarstvennoy ideologii v tsentralizatsii vlasti v Rossii: istoricheskiy opyt i sovremennoye sostoyaniye [The role of state ideology in centralizing power in Russia: historical experience and current status]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2010, vol. 4, pp. 31–36. (in Russian)
8. *Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Constitution of the Russian Federation]. Moscow, Eksmo Publ., 2009, 1056 p.
9. Kutafin O.Ye. *Rossiyskiy konstitutsionalizm* [Russian constitutionalism]. Moscow, Norma Publ., 2008, 544 p.
10. Loginov A.V. *Vlast i vera: Gosudarstvo i religioznye instituty v istorii i sovremennosti* [Power and Faith: State and Religious Institutions in History and Present]. Moscow, Big Russian Encyclopedia Publ., 2005, 495 p.
11. Pozharskiy D.V., Korolev R.V. Ohranitel'naya i ideologicheskaya funktsii rossiyskogo gosudarstva v usloviyah modernizatsii [The protective and ideological functions of the Russian state in modernization]. *The rule of law: theory and practice*, 2019, vol. 4 (58), pp. 41–43. (in Russian)

12. Fuks A.N. Znachenije shkolnykh uchebnikov otechestvennoy istorii dlya ideologicheskogo obespecheniya natsional'noy bezopasnosti [Importance of school books of Russian history for ideological support of national security]. *Vestnik MGOU. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Vestnik MGOU. Series History and Political Science], 2015, vol. 1, pp. 21-32. (in Russian)

13. Yakunin V.I. Gosudarstvennaya ideologiya i natsional'naya ideya: konstitutsionno-tsennochnyy podkhod [State ideology and national idea: constitutional-value approach]. *Vlast* [Power], 2007, vol. 3, pp. 3-12. (in Russian)

Legal and Anthro-legal Aspects of the Religious Factor of Threats to National Security during the Great Patriotic War and at the Present Stage

© Arzumanov I. A., 2020

The specifics of the implementation of the ideological function of the state in the field of ethno-confessional social relations is considered. From the standpoint of an anthro-legal approach and historical and legal retrospection, an analysis is made of the religious-missiological factor of threats to national security. It is concluded that under the existing model of state-confessional relations, the practice of missionary activity of religious and confessional institutions may entail a number of negative consequences, mediated by the mechanism of tran-

sition of doctrinal religious and confessional consciousness to the praxiological level of the mission of religious institutions as activities related to the propaganda of confessional teaching. The individual, extra-group activity of each person related to the propaganda (certificate) of his faith, if it takes place without violating the law, remains beyond formal control. For missionary work in a positive legal vein, a formally secured permission for the missionary activity of citizens from the legal form of their religion that they represent is necessary. The state can control only the external manifestations of missionary activity, and they, within the framework of the awareness on the part of the adherents of the confessional strata of the reality of state control processes, can have quite respectable forms - inter-religious dialogue, reconciliation missions, ecumenism, etc. These forms, as a result of "coercion" by the state to an interfaith world, essentially do not change anything in the doctrinal imperative of propagating the truth of a religious or confessional doctrine of God, and the question of how radically individual government evidence can be assessed by state bodies the confession of the doctrinal foundations of religious doctrine by his adherent remains open. Strengthening the processes of atomization of the country's sociocultural space on a religious basis, a latent aggravation of interfaith contradictions, as key factors of threats to the national security of the Russian Federation in the ideological sphere of public relations, require a revision of the model of state-confessional relations from secular to another, which can more adequately reflect the role of religious institutions in socially-political life of Russian society.

Keywords: The Great Patriotic War, state, idea, ideology, state idea, national idea, ideological function, ethno-confessional relations.